

Глава 39. **Каменная Дева**

Мы стояли на брусчатке города Гамбурга. Муж изучал карту, а я рассматривала здания на противоположной стороне улицы. Стекло и бетон, типовая застройка второй половины двадцатого века. Такие же здания строят в Праге, в Вене, в Амстердаме... и даже в городе N.

Я напряженно вглядывалась в окна домов, словно за их равнодушно блестящими стеклами скрывались ответы на вопросы, мучившие меня в Бремене. Но в стеклах отражались лишь облака.

— Куда нам идти? — растерянно пробормотала я.

— Для начала скажи мне: чем увлекалась Хельга Карловна?

— Увлекалась? Помню, она собирала вырезки из газет и журналов: рецепты, выкройки, тексты песен...

— Моя мама тоже кулинарные рецепты собирала.

— Если бы только кулинарные! После ее отъезда мне в наследство достались тетрадки в клеточку с бесценными советами на все случаи жизни. Вот ты сумеешь отличить моторное масло от трансмиссионного? Нет? А она умела!

Откашлявшись, я постаралась изобразить доверительную интонацию Хельги Карловны:

— Отличить моторное масло от трансмиссионного по запаху и цвету могут лишь бывалые шоферы. Капните масла в банку с водой. Если капля плавает в виде линзы, то масло моторное. Если масло растеклось радужной пленкой, значит, оно трансмиссионное...

— Ты прямо наизусть шпаришь! — восхитился муж. — Что ж... Попробуем наугад.

Дима открыл путеводитель и прочел первое, что попало ему на глаза:

— Музей специй. Порт. Это могло бы ее заинтересовать?

Я кивнула.

— А клуб, где выступали Битлы?

— Еще как!

— Значит, пойдем, куда глаза глядят...

Мы взялись за руки и доверились интуиции.

Низкое небо морщилось застиранной парусиной. Но вот из-за туч выглянуло солнце. Все вокруг оживилось, избавляясь от курток и плащей. Бродяга, сидящий на парапете, снял с головы бумажную «треуголку» и сложил из нее веер. Скинув серые облака, как капюшон, Гамбург преобразился. Мы свернули за угол и замерли: прямо перед нами простиралось золоченое зеркало озера Альстер. Над водой дрожали пестрыми бабочками паруса яхт.

— Какая красота! — восхитился Дмитрий.

— Фантастика! И такое огромное....

— Если верить путеводителю, по берегу проложена семикилометровая «тропа здоровья».

И действительно: повсюду бегали спортсмены, резвились дети на самокатах и роликах. Чуть в стороне, в тени деревьев, на лавочках нежились господа элегантного возраста.

Почему-то на каждом шагу ко мне обращались прохожие, спрашивая дорогу:

— Fräulein! Sagen Sie mir bitte!

— Что они говорят? — спросил Дима.

— Они говорят: «Девушка, подскажите, пожалуйста...»

— Они думают, что ты местная, — ликовал Дима. — Адольф был прав.

— Не напоминай, — взмолилась я. — Как представляю, что еще трое суток все это выслушивать...

— Двое суток и две ночи, — поправил меня муж. — Переживем!

А дальше были дворцы и соборы, витражи и колокола, резные ворота и кованые замки, огромный портрет Мартина Лютера на выбеленной стене церкви. И снова — дорога, фонари, мосты, каналы, белые крылья чаек... Мы не могли налюбоваться этой красотой, надышаться соленым морским ветром.

— А ты знаешь, что латинское название Гамбурга — Хаммония? — муж протягивал мне путеводитель. — Оно используется в гимне города. А изображается город в виде девы в стальном венце.

— Дева Хаммония... Я запомню.

Мы поспешили дальше, чтобы лучше познакомиться с этой гордой красавицей. Мы пили кофе в ее маленьких бистро, пересчитывали ее мосты и, конечно, сбивались.

— Почему они так упорно не пускали нас сюда? — спрашивал Дмитрий, подразумевая Толика и Сою.

Я только пожимала плечами. Ответ наверняка где-то рядом.

Мы сворачивали в переулки в жажде открыть нечто новое, небывалое, самое-самое удивительное. Наконец, стайка малышей в оранжевых дождевиках, сопровождаемых высокой барышней в коричневом пончо, за которыми мы последовали, привела нас к зоопарку. Его забавные ворота, украшенные фигурами животных, были хорошо видны издали.

— Нам повезло! — обрадовался Дима. — Считается, что это лучший зоопарк в Европе. А я как раз подумал, что неплохо бы его посетить.

Зоопарк Хагенбека нас очаровал: настоящий Сад Зверей, где для животных воссозданы их родные просторы, а по узким клеткам-дорожкам гуляют наблюдающие. Мы провели в этом райском месте несколько часов, и я совершенно забыла о Бремене, пропавшей Наташе и Лоттерах.

Затем — снова метро, порт, невероятные лабиринты краснокирпичных складов Шпайхерштадта, речной вокзал Ландунгсбрюкен, напоминающий средневековый замок с башенками, покрытыми медными куполами. И, конечно, река Эльба. Именно здесь, на набережной у странного речного вокзала-замка, я ощутила всем своим существом, как велика и полноводна эта река, как она связана с иными реками Земли: с нашими Волгой и Ангарой, с Темзой и Амазонкой.

Мысли текли плавными волнами. Я потеряла счет времени. Река несла свои воды в Северное море, а мне виделись солдаты 1-го Украинского фронта, что когда-то давным-давно встретились на Эльбе с войсками

1-й армии США. И пусть это было в Торгау, не в Гамбурге, но река — та же самая, Эльба!

Я твердо знала, что здесь бывала Хельга Карловна. Может быть, стоя здесь, она думала о том же самом... Гамбург принял нас, показал свое лицо. Не унылый среднестатистический мещанин встречал нас, но гордая дева Хаммония в стальном острозубом венце открывала перед нами Врата в Мир.

Несколько раз мы натыкались на мрачную часовню, но лишь под вечер решили осмотреть ее. Табличка извещала, что в старину здесь был Собор Святого Николая. От самого храма после бомбардировок Второй Мировой остались только эта темная, закопченная навеки часовня да часть стены. Непостижимо, но руины передавали всем входящим масштаб утраченного Собора. Среди призрачных колон и стен мы не сразу заметили странную женскую фигуру, словно оплавленную огнем. Установленная на постаменте из сотен человеческих ладоней, она, казалось, возносилась над землей.

Вокруг толпились туристы. Подошли и мы, ожидая своей очереди прочесть надпись на памятнике.

— Этот памятник — «Мемориал жертвам войн», — убеждала кого-то стоявшая рядом женщина на чистом русском языке.

Я вслушалась, боясь пропустить хотя бы слово.

— Здесь был концлагерь, — продолжал тот же голос.

Люди перед нами отошли в сторону, освобождая обзор.

— Смотри! — Дмитрий сжал мою ладонь. — Вот сюда, вниз!

Я пригляделась и остолбенела. На постаменте памятника было написано по-русски:

«Земной ангел»

*Дай мне свою руку и я
Приведу тебя назад к тебе*

Сердце стучало где-то в горле. Дыхание перехватило. Туристы, так плотно обступавшие скульптуру еще минуту назад, внезапно разошлись. Мы изучили памятник со всех сторон. Надпись о земном ангеле повторялась многократно на разных языках; и как нас только угораздило наткнуться именно на русский!

— Так вот в чем дело! — воскликнула я. — Но если здесь был концлагерь... Это же было очевидно с самого начала!

Муж кивнул и обнял меня.

— Мне давно надо было догадаться! Хельга всю жизнь искала свою маму. И всегда получала один ответ: пропала без вести...

— Мы обязательно все выясним. Обещаю.

— Спасибо тебе.

— За что?

— За поддержку!

— И тебе спасибо. За приключение.

Небо темнело. На Гамбург плавно спускался вечер. Пора было возвращаться на вокзал.

Глава 45. Тайфуны острова Майорка

Я проснулась, едва забрезжил рассвет, и лежала, прислушиваясь к звукам пробуждающегося дома. Снаружи, за окном, щелкнула балконная дверь, выпуская на волю радостные аккорды беззаботной песни, затем мяукнула кошка, и вновь все смолкло.

На полированной тумбочке затренькал телефонный аппарат. Толик вошел к нам на цыпочках и снял трубку. Несколько минут мы слушали, как он убеждал свою маму не иметь дела с какой-то неведомой нам Танькой.

— Вот же гадюка, — выругался он, положив трубку на рычаг.

— Что случилось? — шепотом спросил Дмитрий.

— Извините, что разбудил, — виновато буркнул Толик. — Там племяшка моя, Танька, к маме в гости набивается. Предлагает помочь по хозяйству, пол вымыть. А я не разрешаю!

— А почему? Плохо моет?

— Моет хорошо, но по-немецки, — нехотя признался Толик. — Ну, то есть, деньги за мытье берет. Не меньше десяти ойро, представляете!

Мы с Дмитрием переглянулись. А Толик тут же, без перехода, выпалил главную новость: Наташа вернулась в Бремен!

Значит, сегодня же я увижусь со своей подругой!

— ...Ну, за встречу! — улыбнулась Наташка.

Мы сидели за столом. Наташка поправляла каштановую челку, опрокидывала в себя запотевшую стопку, заедала малосольным огурцом и рассказывала историю без конца и края — о том, как вчера в баре к ней привязался незнакомый старикан, желавший выпить за ее счет.

Кухня, где мы сидели, была точной копией кухни Лоттеров: те же белые стены, та же люстра, тот же кафель над встроенной бытовой техникой, тот же квадратный столик слева... Все вокруг напоминало декорации — даже чашки, ярко-красные, непохожие на Сонины, казались бутафорскими, попавшими сюда случайно.

— Я смотрю, у вас все так основательно, зажиточно, — Дмитрий, пытаясь сменить тему, показал на полку, плотно заставленную одинаковыми флаконами с чистящим средством для кухни.

— Да, — горделиво кивнул Олег. — Это у нас Натусик — добытчица! Все в дом! С работы приносит.

— С работы?

— Ага! Натусь, изобрази!

Наташка просияла.

— Смотрите, показываю один раз! — она вскочила с места, задрала футболку, оголяя загорелый живот, оттянула ремень брюк и сунула флакон за пояс, затем опустила футболку и улыбнулась нам. — Въехали?

— Нет, — призналась я.

— Ничего не видно! Под футболкой. Ну, я же худая...

— Все равно не понимаю...

— Сегодня я у одной бабки убираю, завтра — у другой, а послезавтра пойду мыть особняк одной богачки. У них этого много — они и не заметят! А эти моющие средства, — Наташка сняла с полки еще один флакон. — Они же страшные дорогие! Хочешь, подарю?

— Не надо! — рывкнули мы с Димой в один голос — слишком поспешно.

Но супруги Тромпетер не обиделись.

— У советских собственная гордость, Олежек, на буржуев смотрят свысока, — ехидно прокомментировала Наташка. — Ну-ну! А у нас здесь гордых нет. Любому предложи — с руками оторвут.

— А если бабка заметит — что тогда?

— Фигня, ничего мне не будет, — отмахнулась Наташка.

— Жаловаться никто не пойдет, — сказал Олег. — А если пойдут, сами виноватыми окажутся.

— Почему? — совершенно растерялись мы.

— А вот так! — отрезал Олег. — В полиции бабку первым делом спросят, зачем она наняла человека с улицы. Помощника по хозяйству положено нанимать через агентство, с налогами и чеками. Но тогда и стоимость услуг будет другая.

— Вот именно, — кивнула Наташа. — Я беру в пять раз меньше, чем в агентстве.

— И они ни разу не подловили тебя на краже? — никак не мог успокоиться Дима.

— Ну, замечали пару раз, — с неохотой призналась Наташка. — И че теперь делать? Снять штаны и бегать? — она с шумом сдула со лба пыльную челку.

Наши непонятливость и дотошность, похоже, раздражали ее.

— Другую бабушку нашли, и всех делов, — Олег взял из рук супруги злополучные флаконы и вернул их на полку. — Натусик! Фотки!

— Точно! — обрадовалась Наташка и потащила меня в большую комнату с такими же белыми казенными стенами, где на столике перед диваном уже лежали четыре толстых альбома.

Она перелистывала страницы, комментируя каждый кадр:

— Это мы в моем любимом баре текилу пьем! У моей подружки Светки был день рождения.

Страница за страницей мы наблюдали несказанное веселье за накрытыми столами. Менялись только наряды и цвет напитков.

— Тут мы пили пиво, а тут догонялись водочкой!

Я кивала, отмечая про себя, что уже начало первого, скоро обед, а там, глядишь, и день закончится...

Наташа достала новый альбом. Дюжина снимков была сделана в Бремене, у статуи Роланда.

— А что символизирует Роланд? — поинтересовалась я.

— Ой, че ты такая нудная? — ухмыльнулась Наташка. — Оно тебе надо? Стоит мужик, и пусть стоит. У вас — Ленин, у нас — Роланд. Ты лучше девок наших зацени! Это же наши девки, все из Воркуты!

Я снова посмотрела на снимок.

— Это Маргоша, — Наташка хлопнула меня по коленке. — Маргошу помнишь?

— Не помню, — призналась я.

— Ах да, она же в Воркуте была Машей, а здесь стала Марго, — спохватилась Наташка. — Прошлой осенью Маргоша приезжала ко мне, и мы устроили «встречу на Эльбе». Это она так называет, не спрашивай меня, почему Эльба, тут Эльбы нету, но она так говорит...

Последовал подробный фотоотчет с демонстрацией меню ресторанов и кучей снимков, на которых Наташка обнимала пышнотелую даму в розовом полупрозрачном платье — «на босу грудь», как сказала бы Хельга Карловна.

— Нравится? — просияла Наташка, заметив мою улыбку.

Не успела я кивнуть, как она выплеснула на меня ушат интимных подробностей из жизни неведомой мне Машки-Марго: как та любила в восьмом классе Васю из 9 «Б», о чем знала вся школа, и как загуляла с толстяком-армянином с бензоколонки где-то под Нижним Новгородом («Это его бизнес был, прикинь! Столько бабла!»). Далее мне было на ухо выдохнуто, что Вася сохнет по Машке до сих пор, а Машка вышла замуж уже здесь, и у нее двое детей, а про армяшку не знал практически никто, только мне вот рассказали по большому благу.

— Ну, давай, колись! — толкнула меня в бок Наташка. — Пока мужей поблизости нет!

— Чего «давать»?

— Как это «чего»? С кем у тебя было в первый раз в школе?

— Вздор какой! В школе было не до этого...

— Я же помню, тебе нравился один старшекласник, — не сдавалась Наташка. — Колись уже!

— Гораздо больше мне нравился театр.

— О-о! — глаза ее засветились от предвкушения. — Все ясно, ты не просто в театр моталась! У тебя в театре кто-то был, да? Взрослый мужчина? Ну, что ты смеешься? — взорвалась она. — Чего смешного? Что тебе сейчас мешает рассказать? Жалко, что ли? Вот зануда!

Она надулась и ушла на балкон.

Бедная Наташка! Где ей было понять, что я смеюсь над собой, и что я несказанно счастлива, что мы не встретились с ней неделю назад!

Услышав смех, в комнату заглянули мужья.

— Как у вас тут весело, — изумился Олег. — Анекдоты травите?

— Почти, — ответила я.

— Слушайте, что мы тут киснем, как клюква на болоте, — Наташка уже вернулась с балкона и стояла посреди комнаты, уперев руки в бока. — Пошли прошвырнемся, Зюзя!

— Ладно, красьте губы, — согласился Олег.

— Шесть секунд, — пообещала Наташка.

— Дима, мы можем смело идти на улицу курить, — заявил Олег, и мужчины вышли.

— Как ты назвала мужа? — спросила я Наташку, когда мы остались одни.

— Süße — «мой сладкий», — объяснила Наташка и отправилась в ванную.

Оставшись в одиночестве, я вспомнила героев старинной советской телепередачи «Кабачок „13 стúльев“»¹: Пани Моника, Пан Спортсмен, Пан Вотруба, Пан Зюзя...

Улицы города в этот час были удивительно тихими и безлюдными. Мы заходили в разные заведения, но задержаться нигде не хотелось: казалось, все местные жители набились в питейные заведения. Наконец, забрели в небольшой кабачок, где бармен болтал за стойкой с единственным посетителем, и взяли меню.

— Давайте переведу, — предложил Олег.

— Я сам могу, — на хорошем русском вмешался бармен. — Что вам подсказать?

¹ «Кабачок „13 стúльев“» — эстрадно-развлекательная юмористическая телепередача Центрального телевиденья Гостелерадио СССР, выходившая в эфир с 1966 по 1980 годы.

Минут пять мы с ним обсуждали меню и то, где он так ловко насобачился гутарить по-русски.

— Я из Варшавы, — объяснил бармен и ушел готовить заказ.

— Вот молодец! — восхитился Дмитрий.

— А наши русаки не хотят учить немецкий, — сказал Олег, когда мы сели за столик. — Большинство знает местный язык на уровне: «Шел я по штрассе и встретил маму унд папу».

— Кстати, а почему у вас имена переводят? — спросил Дмитрий.

— Не хотят быть русаками.

— Молчи уж, Ольгерд! — посоветовала Наташка мужу. — Фиг бы я стала с тобой знакомиться, если бы ты был не Олег.

— Да уж, конечно! Давай-ка расскажи, — подзадорил жену Олег, — как ты с бюргером женихалась!

— Ой, чего там рассказывать? — притворно нахмурилась Наташка. — Фигня на постном масле.

— Не на постном, на оливковом, — возразил Олег. — Он же был богатенький Буратинка: хозяин отеля, крутая машина, салон — натуральная кожа-рожа, все дела! — Олегу, видимо, нравилось вспоминать своего поверженного соперника.

— Блин горелый, — в тон ему заговорила Наташка и дурашливо схватилась за голову, — он же мне — билет на самолет до Мюнхена, билет на шоу Майкла Джексона! А я, редиска, к тебе сбежала!

— Да, ты маху дала! — засмеялся Олег, и супруги обменялись поцелуем. — Такую партию упустила!

— А как с ним жить? Ну, сами посудите! Скажешь ему: «Ну, и рожа у тебя, Шарапов», — а он и не поймет. И как это перевести? И с какого места начать объяснять, о чем это? Короче, с прусаком жить скучно. Наши девки, все, кто уехал, с русаками живут.

— А еще ты не хотела стать Натали Баух! — напомнил Олег.

— Чистая правда! всю жизнь была «Шлаппе» — «промашка». А тут: «Баух» — «брюхо»! Черта лысого, — Наташка сложила наманикюренные пальчики в хорошенькую фигу. — А вдруг фамилия окажется говорящая, и я начну толстеть!

— Да, бывают говорящие фамилии, — согласился Дмитрий.

— Адольф Абер — лучший пример, — поддержал Олег. — Он же по паспорту — Лоттер. Более ленивого работничка я в жизни не встречал. Куда его только не устраивали — везде он делал все, чтобы сократили.

— А как эта фамилия переводится? — спросил Дмитрий.

— «Лодырь» и переводится, — хмыкнул Олег. — Уже лет десять не работает, только строит прожекты, как поработить мир и ни хрена не делать!

— Кстати, как вы с ним познакомились?

— В больнице, — принялся рассказывать Олег, — мы с ним в травматологии в одной палате лежали. Врачи подозревали, что он нарочно себе руку повредил, но доказать не могли. А я думаю, он бы не только руку, но и башку в тиски сунул, лишь бы раннюю пенсию получить. Выписали нас — он все в гости приглашал. Ну, мы взяли да приехали.

— Он поначалу такого шороха навел, — продолжал Олег, — такого бизнесмена из себя корчил — мама не горюй! «Мы заработаем лимон абер два лимона. Есть одна тема. Адольф тебя научит...»

— Один в один! — усмехнулась Наташка. — Вот и прозвали его: Адольф Абер.

— Абер — это по-немецки «или», — пояснила я Диме.

— Не только, — сказала Наташка. — Еще «но», «а», «же», «однако».

— Адольф Однако, — задумчиво проговорил Дмитрий. — Так зачем вы с ним общаетесь?

— А куда деваться? — пожал плечами Олег. — Русаки здесь только с русаками дружат, выбора нет.

— Зато он дочке своей дом купил, — с укором сказала Наташка, посмотрев на мужа.

Было ясно, что для них это больная тема.

— Правда? — заинтересовался Дмитрий. — Я думал, что это зять кредит оплачивает.

— Нереально, — махнул рукой Олег. — Такой домище на одну зарплату да с двумя детьми не потянуть. Адольф Абер, хоть и не сахар, а спонсор! Говорят, он в Союзе ферму продал, и все решили его бабки.

— Это верно, бабки. Куда без них, — кивнул Дима и подмигнул мне.

Повисла напряженная тишина. Бармен включил музыку. Наташка утонула в меню. Мужья ушли в зону для курящих.

— Ты извини, — прошептала Наташа, придвигаясь ко мне, — что так вышло. Ну, что мы не встретились.

Она ждала, что я поддержу разговор, но я молчала. Наташка тяжело вздохнула, налила себе шнапса и решительно выпила.

— Олежке на работе дали путевку на Майорку: один взрослый плюс один киндер. Я подумала: классно, пусть он с дочкой летит, а мы тут с тобой уйдем в крутое пике. И вдруг за двое суток звонят с работы. Сообщают, прикинь, что один мужик не может поехать! Предлагают путевку на меня переоформить, иначе сгорит... Халявная путевка — просто так, с неба! Когда еще так повезет! В общем, когда ты звонила, мы уже на море были. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнула я.

— Ну, ты в обидках, ясно, — поджала губы Наташка. — Да я, если хочешь знать, тебя из жалости в гости позвала. Чтобы ты хоть одним глаз-

ком посмотрела, как в Европе белые люди живут. А то так бы и померла у себя за печкой...

Меня просто передернуло. Неверно истолковав дрожь, Наташка участливо погладила меня по плечу.

— Наташа, а почему ты попросила встретить нас именно Лоттера?

— Да некого больше было просить, — Наташка взяла сигарету и закурила, игнорируя запрещающий знак на стене. — Он дядька ворчливый, конечно, но на него можно положиться. Если надо кого встретить или проводить, помочь по хозяйству или еще че, все сразу зовут дядю Адольфа. Он всегда свободен, и остановиться у него можно. Всем рад, со всеми бесплатно по Бремену гуляет. А мог бы бабки брать...

— Интересно, почему? — спросила я.

— Да сохнет он, — сквозь зубы процедила Наташка. — Болеет. Не прижился тут...

Она взяла бутылку и наполнила рюмки:

— Ладно, прости меня. Давай выпьем за мир.

— Ничего, — сказала я. — Все, что ни делается, — к лучшему.

Вернулись наши мужья. Мы слушали музыку, которую ставил нам бармен из Варшавы. Запивали пивом немецкие сосиски. Рассказывали анекдоты и вспоминали школу, пока не стемнело...

— А хотите, пойдём к нам ночевать! Еще побазарим. Я вам такие фотки покажу!

— Нет, спасибо. Нам в аэропорт выезжать в четыре утра.

— Ах, да, — кивнула Наташка. — Я и забыла. Вас же Адольф может проводить. Ему же ближе.

Эпилог

— Знаешь, почему она нас не встретила? — спросил муж, едва мы остались одни.

— Дармовая путевка.

— Не только, — усмехнулся муж. — Помнишь, она тебя спрашивала, сможем ли мы сделать визу сами?

— Конечно, помню. Она сказала, что приглашение делать хлопотно: справки, деньги какие-то в залог вносить, гарантии давать, что за гостя отвечаешь, что можешь его устроить и кормить.

— Именно, — кивнул муж. — И не дай бог тебе слинять куда-то из города, если ты его пригласил! Олег мне все это объяснил.

Помолчали.

— Дим, ты прости, что я тебя втравила в эту поездку. Нужно было Амстердамом ограничиться. Как ты только вытерпел этот вечер!

— А я расслабился и получал удовольствие. По-моему, это ты с трудом терпела. Даже не верится, что вы с Наташей когда-то дружили.

— И мне не верится, — призналась я. — А вы с Олегом о чем говорили?

— Исключительно о германской жизни. Я даже в Интернет успел заглянуть. Мы же с тобой хотели выяснить...

— Что ты узнал?

Он остановился и взял меня за руки.

— Я забил в поисковик Берлин, Мюнхен, Ганновер, Бранденбург и Гамбург. Мы с тобой были правы: в каждом городе, куда ездила Хельга Карловна, находился концлагерь. В Гамбурге он назывался «Нойенгамме», и туда она ездила дважды. И даже Агату брала с собой.

— Значит, она нашла свою маму? Но почему Лоттеры это скрывали?

Дима секунду помедлил, а потом заговорил:

— В «Нойенгамме» было много построек: завод по производству пистолетов, кирпичный завод, крематорий, лагерные бараки... И бордель.

— Что?!

— Именно так. Услугами борделя пользовалось руководство лагеря и некоторые «привилегированные» заключенные.

— То есть стукачи?

— Да. Фашистам доставляло удовольствие превращать в «работниц» тех, кто не перешел на их сторону. Особенно истязали советских немков.

Сомнений не оставалось: в Гамбурге Хельга Карловна выяснила судьбу своей матери. Вероятно, то, что она узнала, и свело ее в могилу. Соня не могла этого не знать.

Когда мы вернулись, фрау Лоттер не спала.

— А я думала, вы до утра загуляете, только за чемоданом забежите. Хорошо посидели?

— Да, все хорошо.

— Голодные? Мигом разогрею, — засуетилась Соня. — А Толика нет. Его мать вызвала, чтобы укол ей сделал.

— Что-то серьезное? — встревожились мы.

— Ой, да ерунда — небось, переборщила с мороженым. У нее же диабет... Вам встать в котором часу? Я завтрак приготовлю, будильник заведу...

Она словно ждала чего-то.

— Спасибо большое, не беспокойтесь, — убеждал ее Дмитрий. — Будильник есть в телефоне. А встать нам в три часа ночи, так что ничего готовить не надо.

Потом Дима отправился в душ, и мы с Соней остались в гостиной вдвоем. Размышляя, с чего лучше начать непростой разговор, я взяла с полки тяжелый немецко-русский словарь.

— Глаза не бережешь даже в отпуске, — пожурела меня Соня.

— Хочу кое-что проверить, — сказала я, пытаюсь найти в словаре фамилию фрау Агаты. — «Lotterleben» — сладкая или праздная жизнь. Вот тебе и говорящая фамилия!

— Так она в девках была то ли Прачкина, то ли Батрачкина! Кнехт, по моему. Лоттерлебен она после свадьбы стала, а фамилии детей какой-то дурак в ЗАГСе сократил. Так что «Праздная» она по мужу. Уж этот был трутень трутнем! всю жизнь с мужиками на корточках у подъезда курил, пока жена работала...

— А как фамилия Арнольда переводится?

— Гроосмут? — Соня пожалала плечами. — «Бабушкин», наверное. Ой, у меня же выкипит, — спохватилась она и выскочила из комнаты.

Я снова заглянула в словарь. Großmut — «великодушие», «щедрость», «величие души»... Да, это похоже на правду.

Оставалось проверить фамилию Хельги Карловны. «Нойман» — «новый человек»! Человек эпохи Возрождения!

Я вдруг поняла, что Соня весь вечер ждала неприятного разговора. Ждала и боялась. Тянуть не имело смысла. Поставив словарь на полку, я отправилась на кухню.

Соня сидела на своем излюбленном месте и раскладывала салфетки.

— Что спать не идешь? Не спится? И мне не уснуть...

— Зачем Хельга ездила в Гамбург? Что она там искала? — спросила я в лоб.

Соня дернулась, словно порываясь вскочить и убежать, неловко махнула рукой и сбила на пол чашку. Осколки разлетелись по кухне, но мы не двинулись с места.

— Кого искала Хельга? — повторила я, не сводя с Сони глаз.

— Ой, долго объяснять, — словно очнувшись, бойко затараторила она. — Мама хотела найти данные... э-э... одной своей дальней родственницы...

— Дальней? Она искала свою маму!

— Так ты узнала? — ужаснулась Соня и сжалась в комок. — Но откуда? Как?

Было слышно, как из ванной комнаты прошел в гостиную Дмитрий. Соня смотрела на дверь за моим плечом, словно ждала, что кто-нибудь зайдет к нам и прервет этот страшный разговор.

— Так Хельга Карловна нашла...

Я чуть было не добавила: «Твою бабушку», но осеклась.

Соня еле заметно мотнула головой. Меня захлестнула ярость.

— Нашла или нет? Говори! — приказала я. — Не позорь фамилию.

«Не позорь фамилию!» — это был последний довод Хельги Карловны, когда она пыталась урезонить дочь.

Соня вздрогнула всем телом и медленно кивнула:

— Нашла.

— Они с Агатой ездили в концлагерь? В «Нойенгамме»?

— Ты и это знаешь? — Соня вытаращилась на меня. — Но откуда? Агата разболтала? Что вы все в старье копаетесь? Почему вам спокойно не живется? — она вдруг ахнула. — Так вы ради этого к нам напросились? Ради этого приехали?

Я не ответила. Лоттеры всегда придумают удобную для себя версию. Мне захотелось смыть с себя досаду и разочарование последних суток. Я прошла в ванную и тщательно умылась, а затем вернулась в гостиную и тихонько села на диван, не зажигая света. До звонка будильника оставалось два с половиной часа.

— Она знала про «Нойенгамме»? — еле слышно спросил Дмитрий.

— Да. А мы узнали слишком поздно.

— Главное — узнали. Детали мы выясним. Позвоним Доре и Агате, и все разузнаем, — он нашел в темноте мою руку и крепко пожал ее. — А теперь попытайся уснуть.

Но мне не спалось. Я потихоньку встала и пошла к полке с книгами. Каждое лето я разглядывала эти книги, проводя пальцем по корешкам, и каждый раз выбирала «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». Эта книга была свидетелем всех моих счастливых каникул. А теперь она добралась до Бремена...

Завершая тяжелую ночь, прозвенел будильник.

В назначенный час мы уселись в передней «на дорогу», как распорядился Толик.

— Может, я с вами? — робко спросила Соня.

— Ну, куда ты? — замахал руками Толик. — У тебя же ноги...

— Тогда я пойду спать, — прошептала она.

Но было ясно, что уснуть она не сможет...

Мы поднялись, взяли сумки и вышли. Не успели толком ощутить прохладу ночи, как из сумрака вылетел темный, словно непроснувшийся первый трамвай.

За окном мелькали спящие дома. Город досматривал сладкие сны. На остановке у драмтеатра в салон вспорхнула стайка стюардесс в элегантных черных костюмах и алых пилотках.

— Пионерская зорька²! — усмехнулся Толик.

Мы улыбнулись. Девушки, как по команде, переглянулись и принялись поправлять свои прически и шейные платки.

² «Пионерская зорька» — детская радиопередача, ежедневно выходившая в утреннем радиоэфире Советского Союза.

Дорога, показавшаяся долгой в день прилета, заняла всего двадцать минут. Мы снова вышли в черноту бременской ночи.

— Сейчас трамвай развернется, — сказал Дмитрий. — Садитесь сразу. Зачем вам тратить с нами время.

— Разбежался, — поморщился Толик. — Я вас встретил, я вас и провожу! До самого трапа, если разрешат...

Зал отлета напоминал зал ожидания провинциального вокзала. Редкие пассажиры дремали в синих пластиковых креслах.

— Ну, у нас еще час! — обрадовался Толик, изучив расписание. — Спокойно курим. Ты с нами? Нет? Тогда сторожи вещи. Димыч, я тебе сейчас такой план обрисую!

Я бросила сумку в пустое кресло и уселась в соседнее. Мне было отлично видно, как Дмитрий и Толик курят по ту сторону стеклянных дверей, и Толик с жаром излагает свой очередной прожект. Окурки давно уже были в урне, а герр Лоттер все говорил и говорил...

Наконец, они вернулись.

— И все же подумай над моим предложением, — многозначительно произнес Толик. — Ты знаешь, где меня найти.

— Да, теперь знаю.

— Ой, а я вам не рассказывал, как я конфорку вез? — воскликнул Толик. — Вот была хохма! Они там, в аэропорту, чуть не опупели. И так смотрели в свой телевизор, и эдак. Думали, мина. Не-а, говорю, конфорка!

— Это было здесь?

— Нет, в Казахстане, после олимпиады московской.

И он говорил, говорил и говорил, смеялся и подмигивал, только бы не отпустить нас, только бы еще минуту, ну, еще минуточку...

По радио что-то объявили. Толик замолчал на полуслове.

— Ваш рейс, — сказал он. — Вам сюда.

Мы пошли за ним. Толик читал указатели и показывал нам дорогу.

— Сюда! — остановился он у двери. — Мне дальше нельзя.

— Спасибо за все, — Дима пожал Толику руку.

— Да чего уж там... Все нормально, — Толик смутился и отвернулся, стараясь не показать своих глаз...

— Спасибо, что были нашим гидом.

— Удачной дороги! Мягкой посадки! — Толик потрепал меня по плечу. — Хороша же ты стала!

— Привет Доре и Арнольду!

Толик небрежно кивнул, глянул на наручные часы.

— Ох, и задержался же я с вами, — с притворной досадой проговорил он. — А у меня сегодня лотерея!

— Удачи! Пусть вам повезет!

— Да упаси меня боже выиграть! — ужаснулся Толик и, помахав на прощание, зашагал прочь.

Я почувствовала, что именно сейчас он говорит без жеманства.

Мы смотрели ему вслед. В конце коридора Толик замедлил шаг. Не подозревая, что кто-то может его видеть, он достал из нагрудного кармана плоскую бутылочку водки и жадно впился в нее.

— Шнель, шнель! — поторопила нас полная мулатка в голубой форме.

Все прошло так быстро и гладко, что мы и не заметили, как оказались в самолете. Пассажиров было мало. Мы могли занять любые места.

Зазвонил телефон.

— Видимо, Наташка вспомнила, где она еще пила пиво, — предположила я.

Но это была не Наташка, а Дора.

— Говорить можешь? — спросила она.

— Могу.

— Я все разузнала, — она тяжело вздохнула. — Мне бабушка Агата рассказала. После кремации бабушки Хельги урну с прахом забрали домой, и она долго стояла у нас в подвале на полке. Года два, наверное.

Я поняла, что Дора с трудом сдерживает слезы.

— А потом бабушка Агата узнала и стала кричать на маму: «Проклянью всех, если не захороните!» И они поехали в Бюргерпарк — ты не знаешь, есть такое чудесное, красивое место... Приехали и развеяли прах над поляной в конце парка. Бабушка Агата была против, но мамка дала ей письмо от бабушки Хельги, в котором та написала, чтобы прах развеяли в Бюргерпарке. Мол, люди будут гулять, радоваться, а ей будет приятно...

Дору душили слезы, она не могла продолжать.

— Когда ты об этом узнала?

— Вчера вечером. Прости, что не позвонила сразу. Бабушке Агате стало плохо...

— Понимаю.

— Подожди! — воскликнула Дора. — Самое главное! Родная мама бабушки Хельги похоронена здесь, в Гамбурге. Мы поедем туда послезавтра с бабушкой Агатой. У Арни как раз выходной, возьмем мальчиков и съездим все вместе.

— Я очень рада, Дора.

— И я рада, — она всхлипнула. — Оказывается, бабушка не знала, что я не знаю. Мои мамка с папкой поначалу радовались, как круто сэкономили, а потом решили «скрыть позор» — то есть что могилы нет... Бабушка сказала: «Видно, я не доживу, когда твои родители вырастут». Спасибо тебе, сестра! Только не пропадай! Я обо всем подробно напишу.

— Буду ждать, Дора!

Стюардесса с алым галстуком на лебединой шейке попросила всех убрать телефоны.

— Это Дора? — спросил Дмитрий.

— Да. Послезавтра они с детьми и бабушкой Агатой поедут в «Нойенгамме».

— Отличные новости.

Самолет разогнался и взлетел. И тут вдруг меня осенило:

— Дима, тот лес, где мы гуляли, назывался Бюргерпарк?

— Да. Его устроили на народные деньги.

— Значит, нам все же удалось ее навестить! Прах Хельги Карловны развеяли над поляной в Бюргерпарке.

Мы встретились глазами, и муж взял меня за руку:

— Такие люди, как Хельга Карловна, не дают этому миру пропасть.

— Золотые слова.

— Кстати, чуть не забыл, — Дима протянул мне маленький листок. — Ты выронила у Лоттеров в гостиной. Это перевод, который ты хотела сохранить.

Я развернула записку и прочла: «Post fumum ignis post mortem aeternitas³».

Самолет набирал высоту. Где-то далеко-далеко внизу оставался вольный город Бремен, окруженный парками и садами. С такой высоты статуи Бюргерпарка — даже не статуэтки, а лишь песчинки... Белые камни на зеленой траве. И теперь они навсегда останутся в моей памяти.

25 декабря 2019 г.

³ После дыма огонь, после смерти — вечность (лат.).